

Наталя Барабаш
Кривий Ріг

«Автобіографічні записки» М. Маркевича – джерело з історії родини

Особливість української культури, яка уособлюється в надзвичайному феномені родинності, актуалізує вивчення поколінних ланцюжків численних українських сімейних кланів. Надзвичайно інформативними джерелами дослідження історії аристократичних сімейних анклавів є зразки документального жанру – автобіографічні/сімейні записки. Даний унікальний письмовий масив мемуарних записок створювався під впливом існуючої у кінці XVIII – на початку XIX ст. моди у дворянському середовищі на викладення сімейних легенд та власних споминів¹.

Для автобіографічних та сімейних записок у дворянській культурі характерні певні принципи побудови тексту, типологічні ситуації, епізоди й образи. На думку дослідників, головним у сімейних та автобіографічних записках є зображення історії родини, що охоплює декілька поколінь й показана в аспекті приватного внутрішньородинного, домашнього життя. Біографія автора будь-яких типових записок стає частиною надособового родового «начала» й розгортається на фоні життя родини у маєткових локусах, своєрідних «сімейних гніздах»².

«Однаковість» персональних долей представників певного роду, їх ритмічна суголосність у межах родинної сфери формує надособову «сімейну долю», яка, у свою чергу, забезпечує гармонізацію у бутті роду основних фаз та переламних життєвих циклів родичів.

При характеристиці такого типу джерел, як сімейні та автобіографічні записки, обов'язковим є врахування особливостей автобіографічної пам'яті, чий закономірності дозволяють особистості мати «самопрезентацію історії

¹ Николаева Н. А. Трансформация жанра семейных записок XVIII-XIX вв. в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 6. Новосибирск, 2004. С. 64-82. – [Електронний ресурс]: philology.ru/literature2/nikolaeva-04.htm

² Там само.

свого існування»³. Одиницями автобіографічної пам'яті є «автобіографічні події», що актуалізують процес «доле творення», уособлений у поняттях «моє життя», «моя доля» й впливають на вибудову певних типів взаємовідносин особистості зі своїм минулим. У процесі створення автобіографічних джерел важливим виявляється врахування інтервалу самоідентифікації особистості, який трактується як відрізок життєвого шляху, кордони якого особистість усвідомлює як межі якісного (кардинального) перетворення самої себе⁴.

Історик, етнограф, фольклорист, архівіст, поет і перекладач, музикант і композитор, Микола Маркевич (1804–1860 рр.) залишив по собі багатий епістолярій, а також значну кількість щоденників та мемуарів. На цінність его-матеріалів М. Маркевича звертала увагу дослідниця його біографії Є. Косачевська, оскільки цей блок особистих документів створювався ним протягом всього свідомого життя й відрізнявся надзвичайною жвавістю вражень, яскравістю діалогів і т. ін.⁵

Серед сукупності збережених его-документів Миколи Маркевича відмічаємо «Автобіографічні записки», присвячені першим рокам життя (1804 – 1814 рр.)⁶. Записки датовані 1845 р., проте створені на основі щоденних записів у дитячі роки. Вони виконані у традиційній для того часу формі, а тому розповідь автора про самого себе фактично накладається на викладення історії роду Маркевичів-Марковичів: «Предки мои с незапамятных времен перешли из Малороссии правого берега Днепра, в Малороссию левого берега. При Петре Великом начинают они свою известность в Отечественной истории, и становятся лицами правительственными»⁷.

Вже у вступі до записок М. А. Маркевич зауважує, що представники його роду породилися із знаними українськими кланами Міклашевських, Гонзаревських, Скоропадських, Томарів, Горленків, Полуботків, Гудовичів і Кочубеїв. Й навіть, із певною іронією зазначає, що «в жилах моих соединилась кровь двух врагов: Мазепы и Кочубея»⁸.

Перші сторінки тексту записок присвячені біографічним відомостям про батьків М. Маркевича, Надвірного Радника Андрія Івановича Маркевича й Анастасію Василівну Гудович. Виявляючи шану та любов до батьків, автор фактично ідеалізує їх постаті. Подальші I та II розділи «Автобіографічних записок» присвячені відповідно характеристиці рідних по лінії батька (Маркевичі та Кочубеї) та по лінії матері (Гудовичи, Галагани та Ограновичи).

Дитинство М. Маркевича, його рідних сестер та брата проходить у маєтках Чернігівської та Полтавської губерній, що належали представникам

³ Нуркова В. В. Автобиографическая память: Структура, функции, механизмы: Диссертация... кандидата психологических наук: 19.00.01. Москва, 1998. С. 11.

⁴ Там само. С. 162–163.

⁵ Косачевская Е. М. Н. А. Маркевич (1804–1860). Л., 1987. С. 21.

⁶ Маркевич Н. А. Автобиографические записки. Автограф. 1845. – Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук, ф. 488, оп. 1, д. 38, 136 л.

⁷ Там само. Арк. 3.

⁸ Там само. Арк. 3 зв.

його родини. Тому в записках визначне місце відводиться не лише людям, а й «образу дома» в його широкому сенсі. Образ дому набуває хронотопічного значення, оскільки в саме цьому затишному, спокійному й благополучному просторі/локусі зосереджений час у межах якого протікає життя рідних та щасливе дитинство автора. Найбільше уваги у записках він приділяє описам садибних комплексів Дунаєць (у даному маєтку М. А. Маркевич народився), Ярославець, Лапинці та ін. Опис кожного маєтку супроводжується схематичними зображеннями господських будівель. В оточенні рідних, няньок, селян та сусідів-дворян у родинних садибах відбувається становлення особистості, яка із часом буде визнана непересічною в українській історії.

У даному виданні публікуємо третій із розділів «Автобіографічних записок», поданий на аркушах 47-59 під назвою «Первые годы жизни. 1804 – 1808». Особливо цікавим є те, як автор розставляє акценти у викладенні подій раннього дитинства, оскільки свою біографію він вписує у загальну хронологію сімейного буття. Микола Андрійович свідомо починає розповідь про власне життя із установаження свого місця в ряду сімейної історії, при цьому він пише не скільки про себе, скільки про все, що відбувається навколо нього, зазначаючи хто із оточення як на нього вплинув, прописуючи т. зв. «рефлексію на себе». При цьому укладачу тексту вдається уникнути «ретроспективного утопізму», ідеалізації й гіперболізації при описуванні життя найближчого оточення. Натомість, автор демонструє тонке почуття гумору й відсутність гидливості при прописуванні навіть деяких фізіологічних моментів.

Однак, оцінюючи інформаційний потенціал «Автобіографічних записок» М. Маркевича, вважаємо за необхідне зважити на той факт, що чистовий варіант записів був укладений через понад тридцять років після описуваних подій. Тому необхідно ставитися до представлення деяких фактів критично, але загалом запискам притаманна відвертість у поданні автобіографічної інформації, у характеристиці рідних та їх оточення, у подачі матеріалу про повсякденне буття представників аристократії Чернігово-Сіверщини та Полтавщини на початку XIX століття.

Записки Николая Маркевича [1845]

Первые годы жизни (1804 – 1808)

И так я родился в Дунайце, Черниговской Губернии, Глуховского уезда, в имении дяди моего Михайлы Яковлевича Скоропадского, в 4-х верстах от Глухова; восприемниками моими были Дед мой Иван Андреевич, Прабабка – Мария Демьяновна. В 1804 году, января 26 я начал жизнь.

До 1809 года, то есть первое пятилетие жизни я проводил то в Полошках у деда, то в Розрытой у другого, то в Ярославце у прабабки или в Дунайце у тетки.

Жили мы сперва в Туровке, которой половину Дед отдал отцу моему, потом в Сорочинцах под Прилукою.

Странно, что многое я помню, как теперь вижу, не смотря на младенческие годы; иное помню как сквозь сон; иное знаю по пересказам. Все это передам вместе как верное изображение тогдашнего быта, в высшем кругу, хотя в провинции.

Как изменилась эта простота, эта непринужденность, естественность; и в какое короткое время.

Приступлю к делу. Прелестное местоположение Дунайца сильно подействовало на мою душу. Пассика и овраг Довжик; этот исторический овраг, где сын Гетьмана Самуйловича укрывался с своею невестою княжною Четвертинскою, от преследований Мазепы; растительность, живые воды, вид на Глухов – очаровательны. Урочище «Машина» за садом, где мы детьми купались в виду Глуховских церквей и тенистого Дунаевского сада, все это врезалось навеки в моей памяти... Кажется, что этот первый взгляд на картинное местоположение было основанием любви к природе, которая впоследствии развилась во мне.

Я не помню, с которых пор я люблю горы, рощи, воды, музыку и поэзию. Этому причину Дунаец, фортепьяно отца моего, любовь к поэзии моей матери.

В Ярославце у меня родилась сестра, потом два брата Иван и Василий. Эти братья померли. Иван, говорят, был чрезвычайно умен; но горбат и в Аглицкой болезни, от которой умер. Не знаю, какая болезнь унесла Василия, но его называли красавцем. Несколько дней были промежутком между их смертью. Лиза и я также извели тяжкие болезни в младенчестве. Она перенесла водяную, как уцелела, не понимаю. Я изведаль натуральную оспу, которая пристала ко мне в то самое время как привили мне коровью. Что странно, что эта оспа была тяжкая, оставившая всех без надежды на мой щот, а между тем ни на лице ни на теле она у меня не оставила ни одного знака. В Туровке меня схватил детский припадок. Уже отчаялись во мне. Кто-то из людей посоветовал меня накрыть образом Девы находящимся ныне в церкви Туровской, я уснул и пробудился здоровым.

В Туровке батюшка страдал. Дед мой, умный, но крутой старик, отдавая ему половину этого села, дал такую инструкцию приказчику и

людям, что батюшка остался только титулярным помещиком; а приказчик был старше его. Ошибки его в хозяйстве были простительны, а между тем не велики. Человек, проводив всю молодость в столице или вне России, мог ошибаться. А между тем все это ставилось в строку. Дегтяри пришли в Туровку и договорили из берез, которых было значительное количество за двором, кору. Они уверили батюшку, что березы не погибнут и дали значительные деньги. Неопытный хозяин он поверил, березы погибли, и низменное место за двором обнажилось; потерю эту чувствовал батюшка, обезображенный двор был вечно у него на глазах; он сам был наказан. Что касается до моего деда он в Туровке не жил, его жилое место было Полошки, двор Туровский подарил он сыну; какой его убыток. Но сколько упреков, выговоров, неприятностей батюшка перенес за эту рошу. Отец мой мало имел доходов, вследствие инструкции, которая у меня хранится собственноручно дедом моим; и так он изыскивал средства посторонние; он принужден был торговать лошадьми. У деда моего была шестерка порядочных лошадей. Вдруг отец мой приезжает на шестерке, в которой каждый конь стоит тройки его коней. Боже мой! Какая история! Дед мой принял это за насмешку над его цугом и за мотовство. Долго не видевшись с ним, отец мой приехал в Ярославль с ним вместе. Бабка моя поместила их в двух комнатах во флигеле. Узнав, что батюшка в Ярославле, граф Штакельберг заехал туда. Как батюшкиного приятеля его поместили с батюшкою. Но он, зная что дед мой не любит спать в оной комнате с посторонними, приказал перенести в переднюю Штакельберга и себя. Что же? Старик три месяца дулся, и потом упрекнул сына, что он любит больше Штакельберга нежели его.

Когда я стал себя помнить, то на меня сделал впечатление Туровский дом, двор, конюшня, сем лип от одного корня. Вал вокруг двора и флюгель на каменном столбе.

Дом был довольно велик, с мезонином, упирался заломом в липы, построен был глаголем, с одной стороны, был зал, в ней делали ковры. Конюшня с сенником, меня пугал ее треугольный фронтон с черным окном, откуда как будто б выглядывал кто-то. Флюгер вертелся на столбе и скрипел. Влево от дому был флигель четыре комнаты с сенями; вправо хлебная и кухня каменная. Других построек я не помню. Сад состоял из ореховых аллей и нескольких дубов. Вал окружал двор, я любил бегать по валу и любоваться обширным озером омывающим деревню, сады, дворы, — шумным и чистым. За валом церковь немного в то время устаревшая.

По пересказам известны мне некоторые случаи во время нашего пребывания в Туровке.

Дядя мой Михаил Гудович, только что произведенный в офицеры, приехал в Туровку. Здесь было общество многочисленное. Все были в саду; В поле жатва; в селе остались дети и старики. Два дезертира пришли на край села, к крестьянской Маринечихе, набили ей рожью горло, замучили, нашли у ней рубля два денег и бежали. Дети успели завременно дать о том знать в двор. Вся дворня, управляющий, и жаждущий сразиться с кем-нибудь

офицерик бросились в погоню; с поля бежали крестьяне им наперерез; они пробирались к болоту и лесу; увидя что не успеют туда добежать, мерзавцы связали себя dos-a-dos и выставя длинные ножи стали тихо подвигаться. Один из мужиков сбил их с ног палкою, и был ранен, в это время их окружили, схватили и они скрылись в толпе; Тут подскочил и дядя мой. Окровавленного храбреца он принял за разбойника и давай лупить его нагайкою. Кужревский за смехом едва мог его образумить. Разбойников привели в двор, здесь над ними вполне издевались, окровавленных, изорванных плетью с висящими кусками спины их отвезли в Прилуку, их принял в объятия Нерчинск; а мужичка обогатили.

У нас проживала иногда одна девица молоденькая и хорошенькая Симоновская. Пошла она однажды в Пассику, в то время многочисленную. Это было далеко, в конце березняка, день был жаркий, она вспотела, а пчелы не могут сносить поту. Едва взошла она промежду пчел, они слышали пот и обсыпали посетительницу; она бежала, — пчелы под юбку и давай жалить прелести. Та подол вверх, ... и с визгом прибежала в двор где упала замертво; ее едва спасли от смерти.

Дом туровский был, как сказал я выше с мезонином. Наверху была кладовая, под нею была столовая; потолок был дряхлый; мы обедали. Вдруг треск и стук: сквозь потолок явились ноги с окрестностями. Это клюшница, которая пошла за чем-то в кладовую и провалилась в столовую.

Главнoуправляющегo, Григория Ивановича Куржевскoгo я тоже помню как сквозь сон. Добрый старик; он любил лошадей; они были пагубны для его фамилии. Какой то курбет сделали его лошади, пришибли старика, и он раннoвременнo помер от курбета.

Его сын Владимир Григорьевич просился у отца моего в писаря в Жадовку. Отец мой, любя старика, отказал молодому человеку в этом месте, и послал в Кадетский корпус, после я знал Владимира Григорьевича командиром полка, а потом и дивизии.

Место, где жил в Туровке его отец багато черешнями; и я помню эти черешни, которыми угощал меня старик.

Вот все мои воспоминания о Туровке; вскоре батюшка купил 200 душ в Сорочинцах, Колесниках и Малой девице. Здесь уже я помню себя лучше. — Начну с лихорадки, которая меня мучила семь месяцев, и от которой не знаю, как я избавился.

Сорочинцы и Прилука навек остались в моей памяти. Мы переехали туда в 1807 году или даже в 1806; этого я не помню, и не случилось говорить об этом. Но там уж я узнал мир Божий, родных, няню — старушку. Это вылило из души моей одну из мелодий изданных мною в Издании 1831 года стр. 56 и 57.

Удай в звонких камышах,
Удай в глинистых берегах,
Под прилуцкими горами,
я люблю тебя, я твой.

В этом издании пропущено шесть семейных строк:

Там учитель строгий мой
На меня ворчал порой
Наш отец, наш друг, он с нами
Не ...там чаще, чем теперь
Отворял он нашу дверь
Пред соседями-друзьями.

Действительно мы там гораздо открытие жили. Тому причиною была ранняя потеря моей матери. Пока она жила, батюшка наслаждался, видя дом свой полон гостями.

Говоря откровенно в Сорочинцах мало швейцарских видов. Спустясь с прилуцкой горы на плотине вы едете по такому фалежнику, что как бы ни легко несли рессоры вашего экипажа, все у вас душу вытрясет. С плотины вы въезжаете на пески сыпучие, с песков поворачиваете влево, кладбище остается вправо, и грязными улицами узкими между березовой рощи и крестьянских изб вы приближаетесь к деревянной церкви, которой архитектура вовсе не завидна. От церкви тянется к двору довольно пространный сад, с тенистою липовою аллеєю. Эта аллея приводит вас к дому, где четыре, а много пять комнат были мощенных, а большая, без помосту. Это наш дом.

Став от дому к церкви лицом, и сделав пол-оборота на право, вы видите перед вами город. Сад спускается в ту сторону ниже и ниже начинается непроходимое шириною версты в полторы болото, посреди его течет «в камышах» Удай. Шум этих камышей меня очаровывал, убаюкивал. По ту сторону болота гора, на горе Прилука, с своими тогда еще тремя колокольнями, судом на обрыве где когда-то крепость, двором городническим и единственным в то время каменным строением, двухэтажною почтою. Пока не увидел я Войтенка и Ляличей, она мне казалась громадным зданием, в ней пять окон в фас. Впрочем, вид на Прилуку с этой стороны лучше Прилуки.

Но вид с горы, из города на низменный берег прелестен. Желтые песчаные насыпи, голубой поток Удая, далее холмы, живописно раскинутые села, богатые сады, роскошные рощи, поляны покрытые всходами или жатвою, панские домики, и дороги выющиеся по холмам как узкие ленты, это и ныне очаровательным видом я признаю. Впрочем

Там случайно как то я
Вдруг услышал соловья;
В сад он, с каждою весною,
Прилетал на лето к нам
Я играл, купаясь там,
Синей Удая волною
И пугал меня тех мест
На гробах скрипучий крест.

Семьянином добрым быть,
Нашу родину любить
Мать меня там приучила.
Там, как звезды в вышине,

Улыбнулись сестры мне;
И старушка там водила
На протоптанных лугах
Нас детей на помочах.

Отец мой читал эту мелодию, вспомнил былое, и у него на глазах навернулись слезы: ему было в Сорочинцах от 24 до 26 лет; Золотое время, хоть бы случались тогда и неприятности. Но молодость, невозвратная, теплая, с дыханьем цветов, с радужным сиянием!

Городничий Александрович, Федор Иванович, обязанный чином надворного советника и выгодным местом отцу моему, был ближе всех к нему. Они говорили друг другу ты. Кроме того старые кадеты Павел Данилович Стороженко, и Павел Павлович Белецкий-Носенко, с которым я после коротко познакомился. Петр Григорьевич Горленко, безбожно рябой, курносый старик, который жил в двух верстах у столетнего дубового леса, под железную кровлю, имел презабавный оркестр и пятьсот душ; но был хлебосол и весельчак. Его жена добрая Авдотья Васильевна, Николай и Алексей Степановичи Кобеляцкие; Василий Иванович Маркевич и его мать Варвара Ивановна; это первые мои знакомые.

Легко не легко, я сделаю беглый очерк характеров этих лиц.

Александрович человек в то время бедный ныне богатый; умный, хитрый, пронырливый, ничем не подорожит для выгод денежных. В годы пребывания нашего в Сорочинцах он беспрестанно бывал у нас и привозил мне леденцы. Я к нему пристрастился; бывало, он скажет, что я его не люблю, и я начинаю плакать. Друг на друга мы говорили братуха и Ты. Я не понимал что это душа холодная, себялюбивая, самолюбивая и мстительная, непримиримая. Так он показал себя в последствии. Он довольно порядочно знал французский язык, но потом забыл его и весьма забавен был с своими переводами пьесы Meunier de Sans-Souci, и другими.

Старик Стороженко добрый, веселый, худошавый, вольтижер и силач, корчил Суворова; это не недостаток многих кадетов и офицеров суворовских времен.

Павел Павлович пылкий до старости, бывший капитаном или штабс-капитаном в 1794 году при взятии Праги, жестокий с окружающими его; он содержал в доме своем приватную школу для детей и был второй Орбилианус.

В какое время не взглянуть на его домочадцев, верно кто-нибудь из них был высечен; и редкий день проходил без того чтоб слуга, ученик или девка не показали Павлу Павловичу округлостей белых и не спрятали б их ужасно исписанных.

Петр Григорьевич, помещик пятисот душ; гордец, который говорил что человек без пятисот душ не партия его дочери; но которого дочери вышли замуж за людей почти нищих и ничего не значущих. Он имел двадцать сыновей и три или четыре дочери; все это дрянного поведения и унаследовало в безобразии наружном отцу своему: курносые, косые и рябые.

Его жена Авдотья Васильевна добрая старушка, жестоко обиженная детьми по смерти мужа.

Николай Степанович Кобеляцкий благородный добрый человек; но ревнивый к безобразной и пьяной жене своей Любви Васильевне.

Его брат рябой как регистр, добрее и брата своего, но тоже ревнивый до безумия Василий Иванович Маркевич, умный хладнокровный и благородный человек; его мать Варвара Ивановна, толстая и вечно пьяная, но которая хозяйством обогатила детей. Таковы были мои первые знакомства.

Батюшка жил открыто; но в то время это не дорого стоило; в приемах не было изысканности и жизнь была веселее. Алонское, Судецкое, Санторино, Выморозки, Наливка, курица в супе – вот издержка на стол. Ночлег: дамы одна рядом с другою, на полу, в одной комнате, кавалеры в другой. Таковы были угощения в тогдашней богатой и невзыскательной Малороссии. И было более соседственной приязни, единодушия. Главное что каждый был в силах угостить соседа как сам был им угощен. А ныне каждый тянется и разоряется; другие прячутся, чтоб не принимать соседей, и живут как в берлоге медведи. Виною всему самолюбие богатых, которые хотели чваниться перед бедными.

В Сорочинцах я помню рождение брата Михайла, и как теперь вижу крестины, и прием который был сделан гостям. Множество карет, колясок, бричек и тележек нагрянуло в двор. Пальба из пушек гремела во время церемонии и тостов. Вместо Джаксона, Ап, Клико и Кремана пьянились выморозки. К концу стола гости разгулялись. Был у нас в то время полковник о'Коннор, что потом генералом служил в Херсонских поселениях, бешеный ирландец. Он после обеда выскочил, вслед на империал не знаю, чьей кареты, начал оттуда стегать лошадей, оне понесли и если б осью не уцепилась карета в воротах, он не снес бы головы. Но всем показалось, что это дело обыкновенное. Он возвратился в комнаты, велел набить трубку, едва вложил в рот чубук, Александрович вышиб у него изо рта трубку. Тот набил ее вторично, этот опять вышиб; не шали – сказал о'Коннор, но Александрович повторил и в третий раз шутку. Ирландец бешенный схватил в углу саблю и бросился за Александровичем. Этот прямо к маминьке в спальню, подлез под кровать и притаился. Дверь защолкнули, за дверью о'Коннор кричал: «Отопри, убью, изрублю». – Не теряя присутствия духа, маминька сквозь дверь уговорила его, чтоб простил Александровича. Едва тот отошел, как из другой двери вышел человек с огромным подносом. В прелестном саксонском фарфоре он нес кофий. Вдруг выскочил Александрович из под кровати, вышиб понос из рук человека и растоптал чашки. Одна только из них и уцелела, и я ее до ныне сберег.

На этом празднике была моя нынешняя теща, Марья Васильевна Раковичева урожденная Тарновская. Она была в то время беременная старшою моею свояченицею, Настинькой. Я ее как дитя называл женой; она, шутя указала на свой живот, и сказала, как нынче слышу: «вот твоя жена». – Через год действительно там уже была жена моя.

В это время, имея четыре года я уже читал и писал по-русски, французски и немецки. Бывало мне чего захочется, я просьбу напишу огромными литерами мелом на полу. Эти литеры иная лежала, другая была вверх ногами, третья облокачивалась на четвертую. Карамзина стихи я уже знал наизусть и засыпал, имея в руках его сочинения. Более всего мне нравилась своим ужасом пьеса его «Страшно в могиле холодной и темной»; - Я трепетал от стиха «белые кости стучат». Не понимая, что это вероятно не бывает без землетрясения. Раиса «Древняя баллада» меня приводила в восторг, а письма русского путешественника были для меня лучшим наслаждением. Музыку я боготворил, и наслушавшись Калифа де Ваддад в Ярославце, я безошибочно напевал его и засыпал напевая.

Докторов я ненавидел, потому что поили нас ревенем и цытваром; и я по духу узнавал лекаря. Однажды у деда моего Гудовича, я увидел незнакомца, мне показалась его спина лекарственная и я не ошибся.

Еще чего я не мог сносить хладнокровно, это насмешливости и злоязычия. Если кто смеялся над бедностью другого я плакал; иногда-же сам начинал насмехаться над насмешниками. Так мы были в гостях у Магеровских в Ичне; девицы тамошние подшучивали над бедностью соседа. Вдруг я увидел, что окна у наших хозяев битые и склеены замазкою. «Маминька, сказал я, как здесь хорошо! У нас в окнах по шести стекол, а здесь одно, два, три, двадцать, тридцать». – Девицы сконфузились; приехав домой маминька меня высекла. Маминька, как сказал я была очень строга; мы, повторяю, боготворили ее, а между тем и боялись. Она никогда не била нас ни по рукам, ни рукою; не драла за уши, или за волосы; но по тогдашнему обычаю – без отлагательства штанишки долой и розгами. Более всех и чаще она секла Лизу, меня и Вариньку; Дуничку и Мишу реже. Я не знаю впрочем, за что меня; я был довольно тих и покорен; Лиза упряма, а Варинька кипячого характера. Бывало старушка наша к Вариньке обращается и говорит: «Уже! Уже! От и росходилась; чего-то так розвередовалась; от пойду, мамонци скажу, бо буде тоби у пани-стару. И вот уже Варинька кричит: не буду, ай, ай, ай! – Девки держут, маминька хозяйничает, а как пустят ее топает ногами и в обеих руках держит наказанную часть.

Однажды, дорогою, на квартире, маминька за неповиновение и грубость учителю, начала меня сечь. Хозяйка долго смотрела на экзекуцию; видя, наконец, что у меня под спиной все изсечено, обратилась и сказала: «Да будет уже, сударыня, ведь у мальчишки-то вон кровь из жопы выступила; видно, что чужое дитя, своего-б так не секла». Это меня спасло.

Батюшка часто обходился с панночками довольно решительно. По его примеру не понимая сам что делаю, однажды, будучи на балу у Петра Григорьевича Горленка, я подкрался из зади к Симоновичевой, в то время как она разговаривала с подругою. Та ничего не ожидает, вдруг платье, юбка и рубаха взлетели на спину, и гости увидели белую и жирную жопу, первую какую видел я у взрослой девушки, и которая меня поразила обширностью. Как теперь вижу эти чулки, эти жирные ляшки и эти два окорока. Маминька

схватила меня за руки и вскрикнула: Что это ты делаешь? – «Каков батюшка, таков его сынок» – отвечал я со смехом. Не отдаляя до другого времени, меня повели к хозяйке в спальню, заплаканная от стыда м-ль Симонович пошла туда-же, по просьбе маминькиной, своеручно всыпала мне десятка два прегорячих.

В Сорочинцах приехал мой первый учитель, мосье Иогель. Его родной брат живет в Москве; знаменитый танцмейстер, который учил танцевать три поколения московских дам. Я не помню хорошо моего учителя, даже его наружности; но одного с ним случая не могу забыть; происшествие примечательное, невероятное, указывающее, что есть в природе тайны непостижимые, не опровергаемые, удел немногих людей. Это было не долго спустя после рожденья брата. Повивальная бабка которая его принимала оставалась еще в Сорочинцах; она беспрестанно грызлась с Иогелем. Однажды она просит ее в сад для объяснения; он идет с нею вдвоем; она подводит его к берегу Удая, свистнула резко, и кучи змей сползлились вокруг нее и Иогеля. Она уверяла его, что прикажет им его закусать, если он не даст честного слова не ссориться с нею. Не знаю, могла ли она исполнить угрозу, но Иогель поверил и дал ей клятву. Другим свистом она разогнала гадин. Бледный как мертвец возвратился он в комнаты, и его рассказ произвел сильное впечатление на мое воображение от природы пылкое.

Иогель не долго у нас оставался; благородный, и доверчивый отец мой поручил ему серебро продать в лом в Нежине. Сумма была значительна; Иогель выручил ее, проиграл и не возвращался.

Туда же в Сорочинцы приехала к нам Елисавета Константиновна Пашенкова, урожденная Маркевичева; потом знакомая уже читателю двоюродная тетка моя Софья Владимировна Маркевичева; потом прислана была своим отцом двоюродная сестра моя Марья Васильевна Огроновичева. Все три поселились у нас навсегда. О первой будем говорить часто в последствии; о второй мы уже говорили; третья была уже девочка лет двенадцати, когда поступила к нам; это было в 1807 году.

Характер Маши был ужасный; упряма, непреклонна, подозрительна, груба, дерзка, вспыльчива, неблагородна, злопамятна, злоязычна и сплетница; – просто бесенок. Моя мать, ее тетка всячески старалась ее исправить; это было невозможно. И, правду сказать, надобно так безотчетно любить своих родных, как маминька их любила, чтоб принять на себя все безуспешные труды и возиться с этою девчонкой целых десять лет. Она была умна и остроумна, но оба эти качества обратила во зло. Наружность имела довольно приятную, хотя была малого роста; впрочем, этот рост не был безобразно мал. Она имела слишком яркую краску в лице, и была не толста, но очень полна. Вышедши замуж она похудала от ревности превосходящей все вероятия. Она по ночам привязывала ноги мужа к своей ноге.

Я помню как она однажды возвратясь из церкви, хвасталась, что поп окадил ее, давала нам нюхать платье и руки свои, и мы завидовали этому не объятному щастью.

Здесь же я трепетом, впервые, видел на сестре Лизе наказание, которое уже изведal на себе. Маминька нам делала коробочки, кораблики, лодочки и птички из бумаги. Моя птичка нечаянно была больше Лизиной; она заспорила с маминькой. Принесли розгу; Лиза носиком птички ударила маминьку по носу приговаривая «киюк». Маминька подняла у ней рубашку и ударила розгою приговаривая «киюк». Лиза маминьку два раза, а та ее два раза, с тою же приговоркою. Та пять раз, шесть раз, семь раз, это обе тоже. Наконец Лизе стало слишком больно, вдруг не своим голосом она закричала «ай, ай, ай, не буду. – А я буду!» – отвечала маминька, и положивши Лизу на стульях, исписала округлости так что девочка сидеть не могла.

Так же в памяти остался у меня случай с Стороженком Павлом Даниловичем. Это было 29 ноября. Батюшкин приятель по Дрездену, какой-то путешественник француз, заехал к нам в Сорочинцы. Он хотел выехать на канун батюшкиных именин. Просьбы не могли его удержать; он сел уже в карету. Я Вас не пушу, сказал ему Стороженко. Тот засмеялся и велел ямщику погонять. «Ну! Ну!» Кони не берут, ямщик бичем, – кони ни с места. Оглянись назад, сказал батюшка француз; тот смотрит, – Стороженко держит карету за колесо. Француз остался. Это не один случай доказывающий необычайную силу худошавого старичишки; мы поговорим после о других.

Вскоре приехала довольно на долго Тетушка Пульхерия Ивановна с мужем и детьми; потом и дед мой Иван Андреевич.

Я заметил тогда же, что тетка моя не любила Веры, Наташи и Николая, а отличала Лизу и Ивана, который родился в 1805 генваря 22. Какое-то врожденное чувство отвращения к несправедливости и желание покровительствовать угнетенным открылись у нас всех детей тогда же. Тетушка била Веру как и чем попало; наконец садила в пашенную яму, забывая что там могли быть змеи, тарантулы; и Кахель носил бедной девочке в яму, тайком, обед.

Этот Кахель, был доктор Давид Иванович Кахель Махер, сосед наш по Сорочинцам, лечил меня от лихорадки, веселой, добрый и честный человек, плохой медик, но три раза имел он счастье отца моего избавить от смерти; как мы увидим это впоследствии. Кахель стал у нас почти семьянином.

Сестра Лиза Скоропадская имела уже в это время лет десять; Вера лет семь, Наташа лет шесть; Николай старше меня на четыре месяца; об Иване я сказал уже. Все эти дети с прекрасными наклонностями, но были ужасно поведены.

Муж тетки моей, был уже в это время с водяной; я едва его помню; он нам дарил всякой день связок баранков, а мы были от него в восторге. Любил он рогатый скот и нас очень. Занимали когда из Прилуки с торгов пригнали множество коров, быков, телят в Сорочинцы, откуда он их отправил в Восковцы и Григоровку. Много в жизни горестей он перенес.

У него был брат Петр Яковлевич, да три сестры; одна умерла в девках, и в старости; другая была за тайным советником Александром Семеновичем

Хвостовым; третья за действительным тайным советником Неплюевым. Сверх того у него были родственники Василий Иванович Скоропадский и сестра его Софья Ивановна, воспитанница моей прабабки, потом была за князем Прозоровским. По смерти Неплюевой, Неплюев стал отнимать у Василия Ивановича часть земли в Тихоновичах, Сосницкого уезда. Здесь же в соседстве были деревни дяди моего Турец и его брата – Наумовка. Дело дошло до драки, Неплюев вывел своих люей, Скоропадские своих, неплюевцы были разбиты и разогнаны, с обеих сторон были увечья и смертоубийства. В тоже время Михаил Яковлевич женился на моей тетке. Едва прошло несколько месяцев, как он был женат, царские фельдгегеря наскakали в Малороссию похватили всех Скоропадских, развезли по городам и отдали под крепкую стражу. Дядя мой содержался в Соснице. Другие не помню где.

Тогда же Виктор Павлович Кочубей возвращался из посольства своего в Константинополь, получив звание Вицеканцлера. По дороге он заехал к своей тетке в Ярославец, где получил известие о взятии Скоропадских под стражу. Неплюев донес императору, что они бунтовщики, имеют нечто в роде вооруженного войска, и что один из них располагает быть гетманом. Павел не разведав велел их отправить в Сибирь. Канцлер Безбородько посоветовал отдать их под следствие «чтоб раскрыть все ветви этого страшного заговора!» Сумасшедший властитель миллионов народа нашел этот совет благим. Гр. Виктор Павлович побывал у деда моего, потолковал о деле и поспешил в Петербург. Там он, рискуя впасть в немилость, умолял государя стоя пред ним на коленях не верить клевете Неплюева. Вскоре ложь этого мерзавца была доказана, и он в свою очередь чуть не был сослан в Сибирь. Скоропадских выпустили.

Часто бывало, Безбородько делал подобные вещи с Павлом. Взбесясь на взятки новгородских присутственных мест, Павел мимоездом через Новгород велел все суды – перевешать. Безбородько который ехал с ним в одном экипаже, на вопрос как находит приговор, отвечал: справедлив и должно-бы всем царям брать пример с его величества в таковых быстрых мерах; но, прибавил он, не худо бы этих негодяев судить военным судом и казнив распубликовать по империи, чтоб все другие взяточники знали как мудрый царь казнит за взятки. – Царь нашел это справедливым; фельдгегерь привез о том повеление в Новгород. Через несколько станций князь нашел возможность доказать что еще бы лучше для большей известности судить взяточников в Петербурге. Так и сделано. Из Твери дано было повеление подождать с судом, пока царь возвратится. Взятчики были наказаны, но не перевешаны.

Чтоб обратиться к Михаилу Яковлевичу; его жена была почти сорок лет моложе его, и он с нею обращался, как с дитятью. В Григоровке муж веселил ее тем, что сзывал сельских девок, которые с нею прыгали через рвы. Когда она выходила из себя, он грозился что будет жаловаться маминьке. Даже ревности женской она не понимала: у мужа всегда на окне

стояли столбцы меди по полтине каждый, это была плата ночным посетителям. Тетка моя не знала ничего. Будучи лет четырнадцати она пошла с горничною на большую дорогу за глиняные шахты. Едет коляска; в ней двое мужчин. Она крикнула: возьмите меня! – Обе были не дурны собой, коляска остановилась, молодцы хотели их стащить. Видя, что шутка плоха девушка в слезы: «Я Маркевичева». – Что, что? Какая Маркевичева? – Дочь Ивана Андреевича». – Ах, боже мой, это мой старый друг; где он живет? – «Здесь, за лесом, в Полошках». – Так это Полошки? Идите же сударыня домой; я еду к Вашему батюшке, и следовало-б рассказать ему. Это был граф Платтер с своим доктором. Такова была в молодости тетушка моя.

Но это все ничего-бы, если б не ее ненависть к отцу, который подозревал и сына соучастником, делал ему неприятности и притеснения. А Михаил Яковлевич видя шурина своего, которого так любил в таком угнетении, возненавидел тестя. И в то время как дочь честила отца «старичком» – зять честил тестя «глинщиком, фарфорщиком, мыльником». Невинная аллюзия к тому что из полошковской фарфоровой глины у деда моего делали мыло.

Съезды и балы продолжались; на одном из них архитектор Котляревский нас всех поразил. Он во время танцев в зале у Горленка умер от Апоплексии; но бал продолжался, как ни в чем не бывало.

А между тем болезнь Михайлы Яковлевича принимала весьма не утешительный оборот. Он лежал в зале, где пол смазан был глиною, и очевидно приближался к концу. Вскоре он призвал суд и начал писать духовное завещание.

Он записал жене все имение по смерти. Батюшка показал вполне дальновидность и благородство. Он отстоял детей: завещание было изменено. Чтобы было с детьми при таком завещании, когда с ними случилось то что мы после видели, при правах тетушки более ограниченных. И так дядя мой изменив первую запись завещал: село Дунаец и Кубравка, по смерти, а наличность всего имения во вечность принадлежать моей тетке, – и того 500 душ. Григоровка, курень Бахмач, Роленка, Блотчица, Васьковцы и Турец, отдано ей в безотчетную опеку до правных лет последнего из детей; и того 1200 душ. Батюшка был душеприкащиком. Старик скончался, его понесли, дети его плакали; утешая их им давали все что ни просили они. Тут и я закричал: «Ай жаль мне дядиньки, дайте мелу!» – В минуту общей горести много было смеху. Его похоронили близ сорочинской церкви.

Дед мой приехал скоро после этого. Батюшка брился в ту минуту как он въехал в двор. «Старый барин» – крикнул один из слуг; батюшка вспрыгнул, и бритва цырюльника чуть не отрезала ему нос. Он встретил отца с раной на полпальца глубины. Дед мой приехал недовольный, уверенный что батюшка приобретает имения единственно для того чтоб быть от отца независимым. К этому явилась еще моя двоюродная бабка, Парасковья Андреевна Дурново, соседка наша по Сорочинцам. Она злилась за покупку Сорочинец и Колесников, которых, между прочим, сама не в состоянии была

купить; но об этом не рассуждая, она злилась и наговорила брату на племянника. Дедушка возненавидел Колесники и Сорочинцы.

Давно уже он был вдовцом. Ему позволительно, даже необходимо было иметь любовницу; он избрал Катерину, что потом Ивановну, из крестьянок полошковских. Детям он не вредил. Батюшка ни в каком случае не осуждал отца; как лишить телесного утешения человека здорового, бодрого? Как сыну осуждать безвредную прихоть отца лишившагося жены? Тетушка иначе думала: она ругала Катерину и ее детей на всех перекрестках; грозились их погубить. Деду моему говорили, что и сын его имен злые замыслы. Он обратился к Полетике маршалу Роменскому за свидетельствами о дворянстве этих детей. Тогда это было легко. Искра изготовил свидетельства.

За несколько времени перед этим, тетушка наделала сплетен, по которым дед мой отказал от дому Федору Ивановичу Александровичу. Мстительный городничий не остался в долгу зная благородство Искры, он поехал в Ромен и уверил Искру что дед мой хочет разорить сына своего.

Полетика рассердился на дедушку, его дела принял за подлог, изодрал свидетельства и поехал в Сорочинцы для объяснения с батюшкою. Как на беду в самое-то это время туда же приехал дедушка. Гостей батюшка пригласил много чтоб поздравить и угостить отца. Входит Искра: «Позвольте спросить, где хозяин?» – Дедушка встал с места и сказал: «Сейчас придет, я его отец». – «Я не Вас спрашивал», отвечал Искра, – «Я ищу Вашего сына, я хочу просить у него прощения за фальшивые свидетельства которые дал было я Вашим незаконно рожденным детям по Вашему обману на гибель его детей». Батюшка прибежал, деду моему самолюбивому, умному и оклеветанному стало дурно; он от оскорбления получил лихорадку. Отец мой просил Искру оставить его дом; но подозрительный старик взложил всю вину на сына.

Множество разорительных неприятностей угрожало батюшке. К этому подросла милиция; Европа пылала; Наполеон ее жал; у нас был Род Посполитого рушенья. Батюшку избрали генералом-контролером семи губерний; он этого желал. Дед мой полагал это последним шагом к совершенной независимости от него сына и противился. Фельдмаршал и главнокомандующий милиции кн. Прозоровский, желая батюшку извлечь из беды, принял вид строгого начальника и грозился батюшку расстрелять если не явится по назначению; но дед мой видел что его пугают и хотят надуть; он не позволил отцу моему ехать; Селецкий занял это место. А старик велел отцу моему продать Колесники и Сорочинцы. Это не легко было сделать неожиданно и немедленно. Дед скучал отлагательством, и чтоб наказать сына пустил в продажу Туровку. Николай Яковлевич Мандрыка хотел ее купить. Отец и мать его, – Филемон и Бавкида, запретили ему эту покупку под проклятием: «За свои деньги мы везде купим добро; но старик продаст по досаде Туровку, и я прокляну тебя если ты купишь ее и обидишь кровного». Так говорил Яков Никитич; и Туровка осталась за нами.

Добрый батюшка с кротостью ягненка, без ропота все переносил. К тому же он знал, что две тетушки всему причиною: одна – его, другая – моя. Он пустил в продажу свое приобретение, которое его так тешило, которое он так любил.

Тетка моя уехала в Дунаец; мы поехали в Локнисто к княгине Софье Ивановне Прозоровской и к Якову Ивановичу Лизогубу в Седнево.

Княгиня была женщина очень богатая. Муж ее проиграл до десяти тысяч душ, брат ее проиграл до пяти. Она выкупила брата, и себе сберегла шесть тысяч душ. Она получила образование блестящее, в доме моей прабабки, Марфы Демьяновны, и была красавица в полном смысле этого выражения. Императрица Екатерина Великая избрала ей жениха.

Это было в Новгороде Северском; царица совершала свое бессмертное «шествие» в Крым. Марфа Демьяновна была хозяйкою для приема ее в этом городке. На бале, царица вздумала увидеть малороссийскую народную пляску; прабабка моя приказала своей воспитаннице протанцевать казачка; ей нужна была для этого подруга; какая-то тридцатилетняя дева предложила себя в услуги, как будто б для того чтоб придать еще большую прелесть красавицы. У этой девы патынки были велики и хлопали по пяткам, она их поставила у возвышения, на котором сидела царица; та и не улыбнулась, подарила ей серьги, а красавицу позвала, погладила по голове, поцеловала в лоб, и сказала: «Я тебе подарю жениха». Вскоре на ней женился Прозоровский.

И так мы к ней приехали; дом у ней был просторный. Но меня более всего поразили огромные ворота в роде Триумфальных, с Аркою, с круглыми пролетами, с комнатами сторожевыми. Княжны уверили меня что в эти черные пролеты запирают балованных детей, и я чувствовал и страх и почтение к круглой и мрачной пустоте которая как огромный глаз без зрачка глядела на меня. Другое что меня еще более пугало; это тамошний контрабас; от чего я боялся не Ярославского, а Локнистенского? Не знаю, но эти мне казались пастью готовую меня проглотить; а рев потрясал во мне все фибры.

Зато меня приводила в восторг десна под горою. В детстве я имел невыразимые порывы души при виде реки, горы, неба с звездами и месяцем, а еще более женской красоты. Это было что-то похожее на предчувствие юности.

В это время маминька была беременна, она носила сестру Евдокию.

По рассказам помню шалости отца моего в Локнистом с княжною Марьею Петровною У княгини было три дочери: Софья, Марья и Александра, и два сына: один доктор и сумашедший; другой прелестный человек служивший у кн. Н. Г. Репнина адъютантом, Иван, который убит ядром в 1826 году, в генерал-майорском чине. Этим прекратилась знаменитая фамилия князей Прозоровских потомков Рюрика и Владимира Равноапостольного, сподвижников Дмитрия Донского на Куликовом поле. Одна из княжен вышла за генерала от инфантерии Капцевича; другая за

генерал-майора и дурака Виктора Фролова Багреева; третья умерла в девках. Марья была мила, и веляя, быстрая как сайга шалунья.

Одна из ее сестер, зная что батюшка любит после ужина в постели есть варенье или конфеты, ставила на столик у кровати блюдечки с вареньем или конфеты клала под подушку. Княжна Марья съедала их и батюшка находил или пустые бумажки или в бумажках хлеб. Не помню чем он ей за это оплатил; только после она подкралась к нему, когда он спал, раскрывши рот по привычке, и всадила ему между небо и рот, за зубы кружок арбузной корки. Батюшка вспрыгнул, начал в испуге кричать, Гордей вынул изо рта корку пальцами. Хотя он не видел кто с ним это сделал, но догадался и щекотал княжну до того что она упала в изнеможении. На другой день, во время бала, 22 июля, на свои именины, княжна поутру попотчевала его кофею со слабительным. Доза вероятно была слаба и подействовала только к обеду. Княжна и позабыла; день был жаркий, обедали в саду. Вдруг батюшка начал изменяться в лице и вскрикнул «мне дурно», побежал из-за стола в свои комнаты. Старая княжна не пустила маминьки; княжна бросилась за ним, два ливрейных за нею, батюшка успел скорей добежать, запер дверь и сел на судно в передней, княжна с помощью лакеев оторвала дверь и вбежав прямо уперлась руками в батюшкину грудь. Лакеи увидя в чем дело ушли поскорее; а между тем батюшка поднял у ней рубашку, и давай ее плескать по обнаженным холмикам приговаривая: «Вот тебе!». Бедняжка возвратилась сконфуженная и объявила что это так, ничего, и Андрей скоро к столу придет.

Я сказал, что маминька в то время носила Дунечку. Княжна, бывало, шутя и глядя на маминьку прижмуривала глаза. Напрасно княгиня говорила ей, чтоб этого не делала; она не слушала; и Дуничка не только глаза прижмуривает, но ужасное сходство имеет с княжною. Бывало княжна приложит ухо к маминьке и вслушивается не кричит-ли дитя. Когда-же уезжала маминька из Лохниста, она не давала ей покою; просила, чтоб если будет у ней дочь так назвала б ей Богдашею. Разумеется, что эта забавная просьба не была выполнена.

Однажды по дороге в Розрыту мы заехали к богачу Судиенке, в Очкино. Их было два брата: один богач, другой бедняк; один безбожник другой святоша; первый жил в Очкине, другой в Новгороде Северском. И оба были страшные гордецы. Бедняк был старше летами. Бывало младший придет к брату в Новгород. Часа три ходят они по комнатам, садятся за стол, обедают, потом гость уезжает, и во все время не было сказано ими друг другу ни слова; та же история происходила и в Очкине, когда старший приезжал. Что-ж это значило? Старший гордился летами, младший богатством.

Это мне напоминает рассказ о Степане Михайловиче Ширяе и его родном дяде, Андрее Васильевиче Гудовиче. Бывало Ширяй придет в Душатин, поздоровается с дядею, и начнет свои рассказы. Дядя сидит и молчит, племянник шибко ходит взад и вперед по комнате. «Сядь!» – Кричит дядя – «Это неуважение к старшему» – «Не могу, дядюшка, во время

разговора я привык или ходить или лежать» – «Говорю я тебе, перестань ходить» – Ширяй ложится на диван. «Как! При мне ты смеешь лежать? Вон!» Ширяй в коляску и уезжает; через несколько минут верховые скачут за ним вдогонку, он возвращается. – «Что Вам угодно, дядюшка?» – «Нечего делать, дурак, ходи и ври».

Старший Судиенко полнел зимою, худал летом от боязни грома. Я уверен что если б он был богат то ходил бы в жестяных сапогах от змей и бешенных собак, и с громовым отводом на шапке, подобно князю Путятину, который в Дрездене похоронил сына своего в контрабасе.

Не понимаю как Судиенко младший околдовал гения политики, ходячую энциклопедию Екатерины, князя Безбородька.

Князь не чувствовал души за ним. Все что мог перевозил он от князя в Очкино не обинуясь. Мебели, бронзы, хрустали тянулись к нему обозами. Он дошел до того, что коснулся книг: светлейший купил с публичного торгу библиотеку короля Людовика XVI. Прежде чем увидел ее князь, Судиенко с ним успел поделиться; себе взяли з каждого творения последние томы, а князю, как вельможе, оставил первые. Князь решился вступить за библиотеку. Он умолил Судиенку возвратить книги; на место их купил ему библиотеку многочисленную и не разрозненную. И все это терпел князь, и выполнял все его просьбы, так что знать заезжала к этому скоту предвидя что может быть полезен.

В доме у него было богатство неисчерпаемое, скряжничество смрадное и хвастовство отвратительное. Однажды он показывал батюшке часы с криком петуха, спросил: «Что скажешь про певня? Чи есть где у свете такое чудо?» Недовольный приемом гордого богача, князь Шаликов, не помню в котором из своих путешествий в Малороссию, назвал его вторым Тимоном, и осыпал насмешками, которые нынче не стоят укушения блохи, в те-же невинные годы казались острее меча Апокалипсического. «Мошенник князек! Гальтяпа князек! Блюдолиз! Вот я попаду его, та палками отдую!» – кричал заглазно Судиенко литовским выговором.

Были мы в прелестном по местоположению Седневе у Ивана Яковлевича Лизогуба, уезда Черниговского, над Сновью, на горе тогда еще неотделанной. Местоположение восхитительное, с горы видна даль необозримая. Мне рассказывали после что батюшка смотрел с Лизогубом в зрительную трубу на Бигачский Сад и дом князя Кекуатова, и видел любовные объятия двух юных индивидуумов, которых индивидуальность слилась в те минуты восторженности во едино. Так бы выразился педант Краежский.

Розытовский сад с пристриженными аллеями, с елями похожими на стены, на диваны, с липами обделанными в пирамиды и глобусы, этот сад меня удивлял. Птичня и озеро занимали меня. Но аглицкий сад в Войтенках в восторг приводил. В последнюю поездку туда из Сорочинец я получил от тетки Варвары Васильевны собачку белую с светлокофейными пятнами, – по имени Норочка. Она долго улаждала мое младенчество. Там же я позна-

комился с одной девочкой дочерью тамошнего доктора, ее звали Даша. Я с нею подружился, и часто смеялся, когда она камердинера отца моего, Гордея, называла «Дяинька Гольдей».

Однажды ее отец хотел поступиться одною девушкою графини Варвары Васильевны, намазал ей брови фосфором, фарфор вспыхнул, сжег брови у девушки, а ему так пожарил руку, что он чуть было, не лишился ее.

Рассказывают, что в Сорочинцах был знаменитый Кульнев, сослуживец и друг дяди моего Михайлы Яковлевича. Тоже, что батюшка уступил шестерку лошадей знаменитому – же князю Багратиону. Я этого не помню. Политический мир столь бурный в те времена был вне сферы моей. Наполеон взыскал с России 900 миллионов рублей; звонкая монета ушла за границу, капиталы и частные владения лопались, банкротства губили купечество; синяя ассигнация прежде стоила пять рублей серебром, вдруг она упала до рубля двадцати копеек. Дежурный генерал императора Александра, Фок, потерял три доли своего состояния: взяв в заемном банке сто тысяч целковых, для легчайшого персыза разменял на ассигнации только 25 000 целковых, а 75 000 погибли безвозвратно. И он ли один?

Мы же страдали, в свою очередь дед мой устаивал в продаже приобретений батюшкиных. По щастью Огроновича, Иван Константинович Маркевич, Величко и Фролов купили эти имения по частям, и батюшка успел взять барыша тысячи три или четыре. В последствии, я выкупил кое-что из людей и земель этих; и крепости данные батюшкою Огроновичу перешли опять ко мне.

Тогда я ничего не знал кроме родных, старушки Устиньи, умной, доброй няни моей. Я ее был любимец; как она нежила, ласкала меня, милая баба Устья Мирошниченкова!

Вскоре батюшка всех нас забрал и переехал в Рудовку.

